

ЛЮБИТЬ УХОДЯЩИХ БОГОВ

(Современная тюркская сказка)

*Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами?*

В.С.Соловьев

1

О городе моей юности.

Есть на нашей голубой планете удивительный город!

Окруженный могучими синими горами с яблоневыми садами, был он когда-то самым зеленым городом мира.

На весь белый свет славился он своим красивым красным яблоком: самым огромным из яблок Земли, с медовым вкусом и запахом.

И называли тот город Городом Яблок.

Но кто вспомнит теперь его лучшую, его золотую пору?

А ведь в ту, золотую, пору жили в нем люди, знавшие счастье. Казалось, сами боги облюбовали то время, тот город и тех людей.

И давно уже нет того, зеленого, Города Яблок. Нет и улиц с дивными названиями: Солнечная, Звездная, Лунная, Яблонева, Лесная, Горная...

И это совсем не сказка – были такие улицы!

Чистым жемчугом блестит мой город по алой заре.

И, вечные, высоко кружат над ним беркуты, да вьются, упиваясь божественной трелью в лучах рассвета, серебристые жаворонки.

И бегут, светлые, как из чистого поднебесья, горные ручьи, и шумят, и бурлят они в солнечных переливах по древним, сонным арыкам.

И встает над городом алая заря, благословляя людей, их труды и годы. И цветет под веселым оком солнечного бога моё Голубое Семиречье.

Чистым жемчугом горит мой город по алой заре.

2

*О первокласснице Индира.**Что значит гулять на свежем воздухе?**О плохих и хороших мальчишках.*

Жила в том Городе Яблок первоклассница Индира.

Так красиво назвал ее папа в честь одной великой женщины Востока, когда то жившей на Земле! Папа – учёный. Изучает древние языки, сказки и тюркские руны. Сейчас он в Стране восходящего солнца на каком-то симпозиуме. И девочка осталась с мамой. А мама работает на игрушечной фабрике «Кызыл тан – Красное утро».

Воскресное июльское утро. Индира идет в магазин. За баранками. И идет она по Солнечной улице. И блестит над ней листва алой зарей, а вокруг веет горный ветерок и весело звенят арыки.

Хорошо гулять на свежем воздухе рано утром, когда весь город спит. Гулять на свежем воздухе девочке рекомендовал важный доктор: у девочки больное сердце. Важный доктор в белом халате так и сказал: «Больше гуляй на свежем воздухе, девочка!»

Но часто бывает и так, что гулять на свежем воздухе – это видеть, как злые мальчишки стреляют из рогаток по птицам и кошкам, и кричать на этих мальчишек, и видеть их кривлянья, и слышать их насмешки и всякие глупости у себя за спиной. Но разве знает о том важный доктор в белом халате?

Но сегодня воскресенье, а значит, все мальчишки еще спят. И она вспомнила садовский стишок:

Сегодня воскресенье:

Девочкам – печенье,

А мальчишкам-дуракам –

Толстой палкой по бокам.

Ну, конечно, приятно по воскресеньям получать печенье только потому, что ты девочка, а – не мальчик! И потом, как это по воскресеньям, ни с того ни с сего все мальчишки получают толстой палкой по бокам? Ни за что – просто так, только потому, что они мальчишки?

Нет, есть за что – ведь толстой палкой по бокам, наверное, получают не все мальчишки, а лишь мальчишки-дураки, а это значит, именно те, кто стреляет из рогаток по кошкам, или те, кто кричит за ее спиной всякие глупости. Значит, в стишке что-то не так. В стишке совсем не говорится о хороших мальчишках. И она быстро добавила:

А каждому хорошему мальчишке –

По яблоку и книжке!

Почему по книжке?

Не для лада, нет: просто папа ей всегда дарит книжки, очень интересные книжки. Про всяких принцесс, разбойников, героев и богов. И все-таки здорово же я сочинила!

3

Мудрец Аргы Бет.

Индира спасает собаку.

Обращение Индиры к миру и солнцу.

И все-таки здорово же я сочинила!

Как и все, кто начал жить, девочка очень хотела жить. И боялась умереть, потому что очень любила маму. А у мамы было много работы. И она всегда приходила поздно. А девочка всегда вставала рано. Поэтому видели они друг друга почти всегда только спящими, как солнце видит дневную луну или луна – заходящее солнце. И они никогда не будили друг друга.

Но по воскресеньям усталая мама крепко спит, а девочка идет совсем не в школу, а идет в магазин.

Вот она прошла Солнечную. Вот она вышла на Звездную. Вот она дошла до дома мудреца Архимеда. Так почтительно зовут его все дети Города Яблук: в саду мудреца есть всех размеров колеса, качалки, ремни, пружины, шары и шарики, разные увеличительные стекла и даже два телескопа – можно очень хорошо провести время, что-нибудь изобретая, испытывая или наблюдая. Через сад бежит широкий ручей. Мудрец часто спрашивает у детей: откуда начинается, куда тот ручей бежит и почему он бежит? И сам потом им отвечает. Чудно так объясняет, не как в школе. И они его еще больше спрашивают: отчего солнце круглое и ясное, а трава зеленая, а молоко – белое, а огонь горячий, а кровь красная. Потом они вместе ставят на ручей водяные мельницы или пускают по воде кораблики да плотики с разными грузами, или смотрят в телескопы на солнечные затмения, когда те случаются.

Для всех взрослых он Аргы Бет – Имеющий Противное от всех Мнение, иногда, кстати, очень полезное. Но многие взрослые не любят его за острый ум и едкое слово. Не любит его и градоначальство. Не любят его и поэты Города Яблук, которых он называет лжецами, не знающими поэзии и тайн языка.

Весной, летом и осенью, лишь займется алая заря, Аргы Бет сидит в своем большом саду и чертит на земле какие-то загадочные линии и круги, и листает какие-то толстые книги с пожелтевшими страницами с красивыми узорами.

Зато с огромным интересом вслушивается он в речи маленьких детей и цветущих юношей и девушек, словно в них он находит какую-то свою тайну. И они любят его: он знает всё, он такой необыкновенный!

Об одном не ведает мудрец! И никто в целом мире того не ведает: кто-то темный, кто-то огромный, кто-то дымный и косматый хоть сейчас, хоть сию же минуту страстно желает заполучить его умную, его гордую душу себе в услужение. Кто-то с нетерпением наблюдает изо дня в день за ним из глубокого, холодного, мрачного подземелья в своем медном зеркале.

И девочка, конечно, тоже не знает о том. Еще она не знает, через какие земные муки и страдания прошел мудрец. Ей же нужно поговорить с ним – она боится смерти! Но сейчас его нет в саду.

Девочка вышла на Лунную улицу. Здесь уже было много прохожих – город проснулся. На Лунной за ней увязалась собака. Большая, белая, грустная.

Собака та была очень стара. Дом, который она много лет охраняла, снесли, и счастливые люди, которым она долго и верно служила, переехали жить в

благоустроенную квартиру. И девочка помнила тот дом и знала тех людей и эту старую собаку. И собака тоже знала ее. Вот и получается, что собака, которая ее знала, стала теперь совсем стара и одинока и никому не нужна. Что же делать? Что делать? Разве мама разрешит взять ее в квартиру? А собака все бредет и бредет за ней.

Вот возле них, сильно дыша бензином, остановилась большая черная машина. И из широкой кабины вышли мужчины с серыми лицами и с длинными железными петлями и сетью.

Девочка вдруг все поняла. Она тут же бросилась к собаке и крепко обняла ее за шею. И заплакала. И грустная собака, казалось, тоже плакала – так беззащитна она была, а у нее и до этого слезились глаза. Люди с петлями о чем-то спросили девочку, она же их совсем не слышала – так сильно стучало ее больное сердечко.

Постояли-постояли мужчины с петлями, развели руками, сели в машину и уехали.

А в магазине девочка купила себе баранок, а собаке – немного колбасы. И собака тут же съела всю колбасу – так голодна она была. А девочка села рядом с собакой и совсем не знала, что ей делать: «Что будет с тобой завтра, бедняга, если тебя найдут эти люди с железной сетью?»

И она заплакала, сидя возле собаки на тротуаре. Она плакала и сквозь слезы видела, как с востока над городом вставало, пылая, могучее светило. И, прижавшись к старой собаке, глядя на солнце полными слез глазами, воздела маленькая девочка к светилу свои белые тонкие ручки, взмолилась она ему и всему миру: «О солнышко, помоги мне! Что мне делать с этой бедной собакой, светлое? О люди! Кто слышит меня – помогите!»

4

Вдруг девочке ответили боги.

Чудесная старушка приглашает ее в Золотое Царство Богов.

«О люди! Кто слышит меня – помогите!»

Как все современные девчонки, она уже давно не верила ни в какие чудеса. Но она обратилась к солнышку от бессилия, просто так, а к прохожим – с горячей надеждой! Но прохожие куда-то спешили. И не было им никакого дела ни до девочки, ни до бездомной собаки.

– Вижу тебя, слышу тебя! – прокатился над девочкой сильный гром.

Девочка тут же перестала плакать: что за голос? Или ей послышалось? Смотрите, никто в целом городе не слышал этого сильного грома, а иначе все со страхом они обратили бы лица к небу, или тут же разбежались бы кто куда, лишь заслышав его. Но все прохожие куда-то спешат.

Девочка медленно возвела взор к небу.

Прямо над собой она увидела огромную-огромную белую тучу. И вот эту тучу пронзила красная молния, и из нее мгновенно пролился обильный золотистый дождь. И дождь мгновенно омыл ее и собаку. И снова стало светло как днем.

Очарованная, вся как во сне, девочка пошла домой. Она совсем забыла о собаке и уже даже не видела ее. А за ней бежал, весело прыгая, молодой и красивый арлан. Шерсть его горела на солнце.

На переходе, перед светофором, Индира увидела очень маленькую старушку в зеленом камзоле с золотым орнаментом и в белоснежном платке. Среди обычного города эта красивая старушка показалась девочке просто чудесной, вся как из сказки. Старушка загадочно улыбнулась девочке, и девочке стало легко – боль в сердце как рукой сняло. Индира взяла старушку под руку и перевела ее через дорогу. Пес весело бежал за ними, но девочка все еще его не видела.

Вот они перешли улицу, и старушка сказала: «У тебя очень чуткое сердце дитя. Ты хочешь избавить мир от страданий, но ты мала для больших испытаний. Ты слышала небесный гром и звон? Это бог света Ульгень ответил тебе. А вот тебе его приглашение в Золотое Царство Богов, Страну Снов». – И она вложила в ладонь девочки бронзовую звездочку.

Девочке ужасно захотелось тут же попасть в Золотое Царство Богов, но она твердо сказала старушке: «Любо мне приглашение богов, но прежде мне надо вернуться домой. Если я не вернусь домой, моя мама опечалится. Да и что мне делать с этой собакой?» Она оглянулась. Она увидела такого здорового, могучего, такого красивого, такого веселого, такого милого и такого беззаботного пса. Только она хотела спросить у старушки: «Да не сон ли все это, бабушка?» – как старушка исчезла. Тогда она вновь повернулась к собаке – и собаки уже не было. «Ну и дела!» – удивилась девочка, увидев столько чудес сразу. А взрослые все шли и шли мимо. И ничего не слышали и не видели. А ей было хорошо на сердце, и сердце ее совсем не болело!

5

Индира пришла домой и заснула.

Во сне чудесная старушка превратила ее в ласточку.

Ласточка полетела в Золотое Царство Богов.

А ей было хорошо на сердце, и сердце ее совсем не болело!

Дома она рассказала маме о чудесах и показала ей звезду.

«Теперь мое сердце совсем не болит», – сказала она маме. И, счастливые, они вдвоём пили чай и ели вкусные баранки. Но после чая девочку сильно потянуло в сон. И мама, уложив ее в постель, поцеловав ее в лоб, пошла в магазин.

В магазине детской одежды мама купила красную камчатную шапочку с перьями филина и красивое белое платье, и красный камзол к нему, и красные сапожки: пусть, мол, моя дочь цветет, как весенний алый тюльпан.

Весь день девочка крепко спала. Не проснулась она и в понедельник. И печальная мама не пошла на работу.

Пришел важный доктор в белом халате. Он твердо сказал: «Девочка спит особенным сном, медицина против таких снов пока бессильна, но девочка проснется ровно через семь дней. Разговаривайте с ней». И он установил какой-то аппарат и ушел. А мама, склонившись к спящей дочери, прошептала ей: «Да не коснется тебя дыхание смерти, мой огонёк!»

Снится Индире: идет она по Звездной. Навстречу ей спешит-торопится чудесная старушка в зеленом камзоле. Весело прыгая, бежит за ней белый арлан. Встретились. Старушка сказала: «Боги Золотого Царства уже ждут тебя. Лети к ним, моя ласточка!» – И она коснулась девочки серебряной рукоятью камчи.

Девочка, обернувшись ласточкой, взметнулась в чистое небо.

А что в это время видела мама девочки?

На подоконник присела еще совсем молодая ласточка, одна из тех, что сидят на тонких проводах по утрам, маленькая черная ласточка с белой грудкой и алым горлышком. Их называют деревенскими. Птичка совсем не боялась голубых, быстро бьющихся на ветру занавесок, и мама поняла, что ласточка – душа ее дочери.

Окна квартиры смотрели на восток, на снежные горы. Ласточка посидела-посидела среди июльского золотого полудня, лежащего на подоконнике, потом взметнулась и мгновенной огненной мухой улетела к холодным горным вершинам. И были те горы могучи и спокойны, как боги.

6
Ласточка-душа и птица Симург.
Ласточку преследуют темные слуги бога Эрлика.
Но ее скрывают в пламени солнечные всадники.
Ласточка прилетает в Золотое Царство Богов.

И были те горы могучи и спокойны, как боги.

В голубом воздушном океане огненной мухой звенела маленькая ласточка-душа. Внизу под ней изумрудом светилась трава, впереди пылало золотое солнце.

Вдруг стало темно, очень темно, как ночью. Налетел ветер, мягкий, сильный, необоримый. Засветились звезды и тонкий месяц – как же среди дня такая странная ночь наступила?! Несомая быстрым могучим ветром, ласточка осмотрелась. Она увидела прямо над собой птицу Симург. Затмила та птица свет дневной да небо с солнцем – вот отчего так темно стало да звезды ночные с месяцем высветились!

И вдруг откуда-то до нее донеслось: «Да не коснется тебя смерть своим дыханием, мой огонек!» Мама? Где ты?

Она летела быстрее кометы. Сама того не желая, сама того не ведая, летела она в мрачное царство Эрлика, злого бога смерти.

Когда пролетала она над Великой Щелью Земли, метнула в нее алчный взор ведьма Мыстан. Та, что имеет коровьи копыта, та, что вечно сшивает Великую Щель Земли. Негодует, неистовствует, гремит копытами по такрыу ужасная старуха, блестя гигантской иглой в руке.

Вот стала свистеть она вьюгой да грозить кулаком, да призывать ветра да бури, да грозы, да собирать всех своих крылатых ведьм и слуг самого Эрлика, красноглазых эрликенов. Острую длинную иглу в ласточку в ярости запустила. Мимо просверкала игла.

И с черной земли, и из мрачных глубоких пещер, и из холодных подземелий, из ужасного подземного царства смерти устремились вслед за ласточкой, вылетая, рой за роем, туча за тучей тысячи демонов: с огненно-дымными очами, с окровавленными клыками, с рогами, обвитыми дымным пламенем, с хвостами да копытами. Бросилась в погоню за душой девочки вся эта неисчислимая рать, чтобы схватить, доставить ее богу смерти, ловцу человеческих душ.

На пути девочки возник гигантский тополь Байтерек. Влетела она в его густую и многошумную крону. Затаилась. А тысячи эрликенов и три сотни трехглазых крылатых старух облепили со всех сторон это огромное дерево, но не могли его охватить – столь велико оно было. И зашумели, загудели, засвистели, зарычали, завывали демоны и ведьмы от досады, дикими зверями застонали, заскулили в огромных ветвях, в густой листве могучего тополя, наводя страх на маленькую душу-ласточку воем и плачем.

Пролетела птица Симург. Зажглось далекое солнце. Вылетела птичка из ветвей тополя и тут же попала в море бушующего огненно-золотого света – то несметная армия прозрачно-солнечных всадников встречала ее. Слепнув, ринулись ужасные демоны вниз, прочь от яркого света.

Полетели огненные всадники рядом с птичкой-душой в Золотое Царство Богов. И пламя их не было жарким. И кругом ласточки плыло и колыхалось одно широкое золотое море.

Вот оставили ее огненные всадники. И открылось перед ней синее воздушное пространство. И заверещали в нем стайки обычных птиц, загудели пчелки и шмели, зажужжали мухи, застрекотали кузнечики – приближалась земля.

И торжественный и долгий гром родили дальние темно-синие глубины неба. Величественный, пролился над ласточкой чистый дождь золотой, звездопадный. Долго не кончались веселые раскаты и дождь золотой. И все сверкали серебристые молнии. И все падали цветные звезды – то боги приветствовали земную гостью в Золотом Царстве, Стране Снов.

Опустилась ласточка на Голубую Крышу Мира, обернулась девочкой Индирой. А Крыша та оказалась не совсем обыкновенной, а точнее сказать, вовсе необыкновенной: была она высокой, самой высокой, высочайшей точкой Солнечного царства. И сияла прямо над ней Полярная звезда!

7

Индира и Мать Богов.

Индира и другие дети на Крыше Мира.

И сияла прямо над ней Полярная звезда!

И прямо по небу ходили вокруг той звезды два коня: белый да голубой. А под самой звездой летал одинокий беркут.

Встретила земную гостью на Крыше Мира богиня Ак Ене, Мать Первых Богов, Ульгения и Эрлика. И была та богиня очень красива и очень высока. В белоснежном платье с легкими и широкими, как крылья лебедя, рукавами. Блестело то платье большими и малыми звездами, и могучие складки его плавно струились вниз, как белопенные извилистые потоки, летящие с гор. В волосах же богини сияло маленькое солнце.

Богиня наклонилась – океан благоуханий разлился вокруг девочки. Она ласково поприветствовала девочку от имени всех богов, и, хотя язык богини был неизвестным, девочка ее ясно понимала. И голос богини был нежен, как небесный звон колокольчика. И сапожки ее были темно-красны, как лебединые лапки.

Когда богиня извинилась за то, что она встречает девочку одна, что у всех других богов сейчас очень много дел, Индира с грустью подумала, что боги так похожи на людей, потому что у них тоже есть свои проблемы!

Богиня поцеловала девочку в лоб, и миг на девочке оказалось белоснежное платье, стянутое огненно-красным камзолом с золотыми вышивками по рукавам и груди, с алым шелковым пояском с золотыми кисточками и бахромой. И на голове загорелась красная камчатная шапочка, заколыхались на той шапочке легкие перья филина, зазвенели с двух сторон той шапочки тонкие золотые подвески. Засветились под солнцем на пальцах девочки серебряные колечки, а на запястьях ее рук серебряные браслеты, оправленные самоцветными камнями, зацвели на ее ножках алые сапожки с узорами да золотыми застежками.

Еще богиня подарила девочке чудо-альбом, в каком боги видят разные миры, и, попрощавшись, растаяла в воздухе серебристо-дымным облачком.

Богиня исчезла. Индира услышала флейту. Кроме нее на Крыше Мира оказались еще две девочки и один мальчик. Одна из девочек играла на флейте, и вокруг нее кружилось большое золотое кольцо. Другая – в ярко-огненном платье – летала внутри этого кольца подобно райской птице. Ее платье билось под ветром, как живой костер.

8

Индира знакомится с другими детьми.

Она узнает, что очень нужна всемогущим богам.

Дети по-разному понимают счастье.

Ее платье билось под ветром, как живой костер.

Когда девочка в огненном платье подлетела к Индире, огонь ее платья был мягким и нежным, как шелк. На голове ее тонким месяцем сияла корона, такая же, как у богини ночи, только маленькая.

– Вот и ты у нас в Золотом Царстве. И я приветствую тебя! – весело сказала она на том же неизвестном языке, на каком говорила богиня ночи. И Индире снова тот язык был ясен. – Я дочь бога света. Мое имя Душа Луны, но все зовут меня просто – Маленькая Айя. И ты, если хочешь, так зови.

– Хорошо, Маленькая Айя, а я Индира из Семи Рек.

– А эту девочку зовут Тинь-Тинь. Она из Цветущей страны, Чжун Хуа.

Она самая счастливая девочка в той стране. И флейта у нее чудесная – подарок Ак Ене, моей бабушки, встретившей тебя. Сыграй нам, Тинь-Тинь!

Зазвенела нежная флейта, и вокруг Тинь-Тинь закружился золотой шар.

В своем ярко-синем платье Тинь-Тинь казалась весенним цветком: на голове ее красовался желто-красный веночек из полевых цветов. И сама она была стройная и гибкая, как стебелек подснежника. А Индира никак не могла понять, из чего состоит красивый, золотой шар над головой Тинь-Тинь.

– А вот и Май, – кивнула Маленькая Айя на идущего к ним мальчика. – Он из вольной страны Дешти-и-Кипчак, прямо из XV века. Он мог бы считать себя счастливым, как Тинь-Тинь, ведь он родился в стране поэтов, но его маленький кочевой народ бьется за выживание. Скорбные кюи Мая растрогали богов. И вот он тоже приглашен ими в Золотое Царство.

Май весь горел пожаром боевой кольчуги, как рыба чешуей на солнце. В правой его руке блистало острое копьё. На левой руке алел медный щит. Его шлем – тоже подарок богини – отбрасывал вокруг огненные молнии. А Тинь-Тинь все играла на флейте. Ее шар теперь стал большим золотым кругом. Тут Тинь-Тинь перестала

играть, и Индира увидела, что этот золотой круг весь состоял из пчел, шмелей, стрекоз и разноцветных бабочек. И вся эта пестро-золотая стая единым потоком устремилась в темно-голубое небо, прямо к Высокой Звезде, и там разлетелась дивным огромным салютом. Так Тинь-Тинь приветствовала Индиру.

– У тебя все еще болит сердце? – спросила Маленькая Айя.

– Нет, сейчас уже не болит, но я все же боюсь умереть, – ответила Индира, поняв, что дочь богов знает о ней все.

– Уж я-то точно знаю: ты не умрешь – ты очень нужна богам.

«Если я очень нужна богам, значит, у богов есть какая-то проблема. Если им не помочь, то они, быть может, тоже станут несчастны, как люди на Земле», – взгрустнула Индира. И вот она спросила у дочери богов:

– А ты счастлива, Маленькая Айя?

– Нашла счастливицу, с чего это ты взяла?

– С того, что ты – дочь богов, что ты бессмертна, как все боги.

– Счастлива ли я? – будто сильно опечалившись вопросом, переспросила Маленькая Айя. – Вот Тинь-Тинь – счастлива. А я? А я? Да я – Счастливейшая! – вдруг весело закружилась Маленькая Айя и, звонко смеясь, вся полыхая огненным платьем, упала на синюю траву. Она была такая счастливая, такая красивая, как живой костер! А над ней кружилось синее-синее небо. И там летал одинокий беркут. И тогда Индира заметила ей:

– Раз ты счастливейшая, раз Тинь-Тинь – самая счастливая девочка в своей Цветущей стране, то почему на Земле так много несчастных?

– Ты как в воду глядишь! Тебя-то и призвали боги, чтобы ты помогла им решить этот вопрос.

– Ну, ты дала маху! Я-то при чём, если счастье на Земле – дело богов. Да я ясно и не представляю, из чего и как его лепят? – пожалала плечами потрясенная необычной и странной для нее новостью Индира.

– Счастье не лепят, счастье – подвиг во имя свободы, – сказал Май.

– Нет, это слезы от всего прекрасного! – возразила ему Тинь-Тинь.

Наступила глубокомысленная тишина. В небе парил беркут.

И Тинь-Тинь, вся в нежно-голубом, с красно-желтым венком на голове, пошла по зеленой траве среди алых и желтых маков и тюльпанов, играя на флейте. О, она знала, что такое счастье! И, слушая нежную флейту, пошел за девочкой очарованный мальчик. И под Крышей Мира звенела задумчивая флейта, а умный казахский мальчик ломал голову над тем, как сделать свой народ счастливым? И он подумал: где все-таки сами боги, пригласившие их сюда?

9

Где были сами боги?

Какой важнейший вопрос они решали?

Древнейшие и первейшие боги.

Речь бога Ульгена.

И где все-таки сами боги, пригласившие их сюда?

А сами боги были на Великом Совете.

И шел Совет богов на Седьмом Холме над Синей Рекой Времен.

И собрались все наидревнейшие тюркские боги,

Ибо наступил черед их царствования на текущее столетие:
Так когда-то постановили Боги Всех Времен и Народов
Во избежание конфликтов и споров из-за власти над людьми.

Бросил клич Ульгень богам бессмертным,
Но на клич не все явились боги.

Ан-Тингир был самым Наивысшим,
Ан-Тингир был самым Наипервым –
Не пришел он на Совет бессмертных,
Но все слышал из глубин небесных,
Но все видел из глубин небесных:

Ак Ене, Белейшую Богиню,
Ак Ене, Первейшую Богиню,
Мать богов, Ульгения и Эрлика,
Породивших Свет и Мрак ужасный,
Видел Ан-Тингир из бездны синей;
Видел он Умай-Ана богиню

С золотой трехрогою короной,
С серебристым луком за спиною,
Прародительницу всех живущих;
Видел он хранителя кочевий,
Бога и земли и вод священных,
Властелина рек, озер и пастбищ,
Покровителя искусств, Йер-Суба;
Видел он богиню зорь рассветных,
Розоликую Шолпан богиню.

Полыхала родинкой ярчайшей
Звездочка во лбу ее чистейшем.
Утренней Шолпан ее все кличут,
Пастухи Звезде слагают гимны,
Молят о скоте и плодородии;
С ней он видел юную сестрицу,
Нет средь вешних звезд ее прекрасней –
Младшею Шолпан ее все кличут.

Золотыми звездами блистая,
Вся пылая юностью цветущей,
По утрам она встречает Бога!
Тонкий месяц золотым окружем
Украшает чистое надлобье;
Видел он других богов и духов,
Видел он хозяев и хозяек
Разных сфер и много разных духов;
Девяносто девять слуг своих он видел –
Тенгриев, стихийных сил природы, –
Лишь не видел мрачного Эрлика,
Бога смерти с бычьими рогами,
С дымными, кровавыми очами,

С человеческими черепами,
 Огрузившими, как бусы, шею,
 С круглым, медным зеркалом огромным.
 В нем он видит души человечьи,
 С ним он ловит души человечьи!

Был у богов один вопрос – как вернуть себе человека?

Слетели боги и божки со звезд и облаков, вышли из рек и морей, ступились из воздуха, вышли из подземелий, разные: чудесные и ужасные.

И вот что сказал им Первый из богов, бог света Ульгень:

«О боги трех сфер, вы всегда думали, что вы могущественны!

Вы и сейчас так думаете, наивные.

Зачем вы пустили человека на самотек, занявшись своими личными делами да обустройством своих семей? Кого из вас он ныне почитает? А ведь было время, когда всем вам он верил безгранично. Ведь и искусства, и политику, и право он создал, опираясь верой лишь на ваше могущество!

Отчего же ныне так несчастен человек на Земле, боги?! Не оттого ли, что голубой глиняный шарик теперь катится сам по себе? И как же дошло, боги, что смертные, некогда созданные вами из глины, теперь считают вас забавными героями своих заблуждений, произведениями своего разума? Кто же в этом виноват? Вы и виноваты! Вы так запустили человечество, что вам уже и вмешаться-то нелепо. И как прийти к человеку, если самый дерзкий уже изрек, что бог умер?

Сильны стали люди. Одни, слышим, – уже способны ход самой Земли приостановить, другие, знаем, – искусственное солнце из зеркал вот-вот в космос запустят. Разумно ли, чтобы два солнца разом светили миру? Я вас спрашиваю, боги!

И уже повернуты вспять реки, осушены моря и болота. И ветры, и солнце, и реки люди заставили себе служить, ведя дела божьи не в самую лучшую сторону: уничтожены леса, отравлены моря и воздух?

Но спросим честно: нуждаются ли в нас сами смертные? Нет. Ими мы начисто позабыты. А мир спасать надо, и вот теперь мы сами нуждаемся в людях. Каков наш путь?

Мы пригласили детей Земли в Золотое Царство. Встретившись с ними, боги, не тешьте себя тем, что вы могущественны, а будьте просты и мудры, словно их родители. И тогда они сами поймут, что вы – свет и добро, без которых жить на Земле невозможно. Они, любящие искусства и природу, смелые и чистые, никогда не скажут следующим поколениям, что бог умер, но скажут, что надо любить богов такими, какие они были и есть!»

10

Чудесная прародина.

Родная Земля.

Дети в гостях у богов.

«Надо любить богов такими, какие они были и есть!»

Так закончил свою речь Ульгень, Первый из тюркских богов.

А в это время на Голубой Крыше Мира, под Высокой Полярной звездой, Индира и Тинь-Тинь и Маленькая Айя любовались двумя Конями. Двигались те Кони

вокруг Звезды, как стрелки часов, по кругу. «Это Первый Закон людей!» – важно заметила Маленькая Айя.

Потом девочки болтали в синем воздухе тонкими ножками. Под ними плыли облака. Еще ниже, далеко-далеко, зеленела трава. Там, на траве сидел казахский мальчик. Он думал, как помочь своему народу.

Вдалеке высилась могучая синяя скала. Под скалой сидела, греясь на солнце, белая волчица. Индира спросила: «Что там за скала?» Айя ответила, что с этой скалы начинается чудесная земля гипербореев, людей отважных, крепких духом, телом и знанием. Индира спросила: «Можно ли посетить эту страну и этих чудесных людей?» «Нет, невозможно, – ответила богиня, – эта страна – мираж. Невозможно приблизиться к ней ни богам, ни смертным. Мой дедушка, Ан-Тингир, прежде смог постичь их величие. Когда-то все земляне вышли из этой чудесной страны. Она – ваша первая родина».

Потом стали девочки разглядывать чудесный альбом. На первой странице – красиво обрезанное яблочко, а на второй – ясно, как в кино, – видят они разные миры и планеты и родную голубую Землю. И все миры и планеты оказались пусты, некрасивы, безжизненны. Голубая Земля же была красива, но на ней не прекращались войны и горе. Несчастней всех был Благословенный Город. Весь в руинах. Вздвогнув, заплакала Тинь-Тинь. Спросила:

– Можно ли сделать Землю счастливой, о богиня?

– Да, боги могут сделать ее счастливой, но помогите им! – сказала Айя.

– Чем же мы, дети, поможем всемогущим богам? – удивилась Индира.

– Надо прийти к ним. Они любят детей и музыку – сыграйте для них.

– Есть идея! Я осчастливорю мир, – радостно воскликнула Индира.

– Что за идея? – спросила шепотом Маленькая Айя (боги могли их слышать).

Три девочки зашептались. Через минуту лицо юной богини вытянулось от изумления, как белое куриное яйцо.

Потом она кликнула беркута. Взяли Мая. Прилетели к Седьмому Холму. Увидели богов.

Под голубым сводом на Холме, прямо на траве, за обильным дастарханом сидела очень дружная, очень веселая компания: обычные дяденьки и тетеньки, старые и молодые, толстые и худые, маленькие и высокие. Все в простых одеждах. Вместо кошмы и цветных ковров кругом блестела ярко-зеленая трава. Колыхались желтые, красные и голубые цветы. И трава, и цветы источали душистый аромат. Боги весело посмотрели на детей, не забывая, конечно, есть и пить. Величаво текла под Седьмым Холмом синяя Река Времен. От нее веяло прохладой.

Вышла меж сидящих богов прекрасная Шолпан, сверкая золотыми подвесками. Повела она их к дастархану, на самое почетное место. Познакомила детей и богов. Отвели гости, как полагается, и кумыса, и шубата, и айрана, и вкусного бешбармака, и иные невиданные яства. И пили они иные невиданные напитки. И струился воздух вокруг них нектаром и медом, и изумительная лилась с небес музыка. И текла река. И заснули дети от чрезмерного удовольствия. Это ли не счастье – уснуть в гостях у самих богов?! Укрыли их боги нежнейшим шелком и постелили им.

Проснулись дети. Стали боги болтать с ними о том о сем, а дастархан сам поднялся с земли, растворился в воздухе.

И тут прямо с небес спустилась сцена. Начался концерт.

Сначала Тинь-Тинь играла что-то грустное на своей флейте. Медленно кружилась вокруг нее золотой шар. И заскучали боги. Но вот завела она ирландскую бодрую джигу, и все молодые боги и богини, и божки, и духи мигом пустились в веселую пляску, разбившись парами, и золотые листья, и живые пчелы и шмели, и красные и желтые бабочки закружились вокруг них, как это бывает красно-золотой, ветреной осенью.

Потом боги устали плясать, стали слушать кюи Мая на кобызе. А после кюев – его героические посвящения в честь тюркских батыров. И взмывали раз за разом в чистое небо белейшего снега сотни соколов – то аруахи Золотого Царства отвечали Маю. Дивились боги: какая музыка есть на Земле!

Лишь Индира не выступала, вся охваченная какой-то идеей.

После концерта сели дети на беркута, и он унес их на Крышу, и потом долго летал, одинокий, под облаками и под Полярной звездой. Боги же, отправив детей, снова стали прежними – могущественными, чудесными, прекрасными и ужасными, такими, какие они есть на самом деле. Так подружились дети и боги.

А под Крышей Мира девочка Тинь-Тинь задумчиво играла на чудесной флейте, окруженная сверкающим жемчужно-золотым поясом из бабочек, стрекоз и пчел. И под ее тихую музыку Май рассуждал о всех тех, кто прежде хотел построить рай на Земле, и что из этого получилось.

11

Маленькая Индира среди смятенных богов.

Дети и боги вместе остановили одну вечную войну.

...кто прежде хотел построить рай на Земле, и что из этого получилось? Сидит Индира на холме. И, раскрыв чудо-альбом, разглядывает богов. Много видит она ужасных богов, но нет среди них Эрлика, бога смерти. Бойтся она Эрлика. Высоко над ней кружит беркут. Еще выше – Полярная звезда. Еще выше – на каком-то из небес видит она спящую, совсем дряхлую старушонку. Но вот снова вернулась она к богам. И вот что слышит.

Вопрошал Ульген:

– Как отблагодарим детей, боги?

Молвила в ответ Умай-богиня, мать всех смертных:

– Пусть они сами скажут, чего хотят.

– Нам известно, чего они хотят, – изрек бог света. – Они хотят, наверное, чтобы мы показали всякие ужасы, всякие там страхи. Ведь такие сейчас на Земле дети.

– Нет! Только не ужасы! – твердо возразила богиня. – Все мы знаем, что у этих детей больные сердца!

Смутились боги, замолкли в нерешительности, сникли от ее слов, как степной ковыль под бурей.

И тут прямо в середину смятенных богов влетела крохотная Индира. Прямо с летящего низом беркута прыгнула она к изумленным богам. Вся она пылала невиданной отвагой.

Опешили боги: какие, однако, решительные девочки живут в Семиречье. Но кивнул головой Ыдык-Йер-Суб: «Узнаю, узнаю Томирис! Лишь сабли острой да

коня горячего ей, казахской девчонке, сейчас не хватает. А то разбежались бы вы, боги, как мыши, от такой ее прыти! Узнаю, узнаю...»

Явилось дитя богам. Сказало: вон, смотрите, боги, Благословенный Город. Там война, там страдания, там кровь – остановим вместе это безумие!

Схватились боги за голову: что за дети такие отчаянные пошли? Пуще всего испугались мелкие божки: все видит в своем медном зеркале бог смерти. Ведь это его кровавая жатва!

Но тверда и мудра была Умай, покровительница детей:

– Да не коснётся их мрачная тень Эрлика, буду им оградительной силой. Где мое перламутровое облако?

Глубоко-глубоко, в мрачном подземелье, ужасным вулканом заклокотала, закипела гневом душа бога смерти: кто смеет остановить войну в Благословенном Городе? В какой раз боги нарушили договор между мной и Ульгеном, старшим братом моим?

Отбросил медное зеркало, закусил в ярости губу.

Над Гималаями, над прекрасным озером Дал, встало многоцветное облако. Переливалось оно, перламутровое, над дымной, горелой площадью древнего Благословенного Города.

Мужчины, приняв его за небесный знак, перестали воевать. И улетучился дым, и стала площадь города чистой, прозрачной, ясной. И, любуясь красивым светящимся облаком, вышли из темных подвалов, из пыльных завалов на чистую площадь города смуглые ребятишки.

А на площади уже играли девочка на флейте и мальчик – на кобызе. И кружилось вокруг них огромное, до самого неба, золотое кольцо, и стояло за ним гигантское красивое перламутровое облако. Запищали маленькие индусы и мусульмане в восторге от этого чуда.

Суровые отцы, всматриваясь в облако, отложили оружие, а матери вслед за детьми вышли на площадь, цокая от удивления языками.

Улыбнулась незримая смертным Умай, взмахнула рукой, и, чудесный и чистый, полился с небес дождь теплый, густой, серебристый. Омыл он всех ребятишек. Взмахнула во второй раз богиня – и в чистые руки детей детей слетели с небес огромные красные яблоки. И пахли они медом горным.

И в третий раз взмахнула богиня – и вмиг оказались все смуглые ребятишки в ярких цветных костюмчиках и платицах, как полевые цветочки. И в нарядах цветных они смотрели концерт и любовались собою, и грызли сладкий апорт. И матери их дивились всему происходящему.

А где же сама Индира?

А Индира восседает на белоснежном ослике возле правой огромной стопы лучезарной богини, высоко стоявшей над Гималаями.

И наряден, и красив был ее ослик, с пышным султанчиком меж острых и длинных ушек. И был он вровень с могучей стопой богини. И он тоже жевал сладкое яблоко. И никто из смертных, кроме ослика и Индиры, не мог видеть богини Земли, ее ослепительно золотого лука, ее острых серебристых стрел за спиной, ее сверкающей трехрогой короны. Вот богиня склонилась, поставила девочку вместе с осликом на свою могучую ладонь, высоко подняла, вознесла ребенка над миром под самые лучи золотого солнца.

Вместе с богиней обозревала с высоких Гималаев земная девочка всю огромную площадь, весь Благословенный Город, огромный-огромный золотой вертящийся шар вдали...

Кончился концерт.

Скрыла богиня в перламутровом облаке своих маленьких музыкантов.

Оглянулись отцы и матери Благословенного Города: кругом – цвели сады и благоухали парки среди текущей воды, как в славной Венеции, да качались лодочки на золотой воде, и кругом было свежо, светло, празднично. Чудо!

Улетело дивное облако.

А смуглые мальчики и девочки быстро стали знакомиться друг с другом да разглядывать свои цветные одежды, хрустя сладким яблоком. А мужчины занялись делом, отложив оружие и задумавшись: это ли знак Неба?

Так дети и боги вместе остановили одну вечную войну.

12

Дети покидают Золотое Царство Богов.

Индира и бог смерти.

Так дети и боги остановили одну вечную войну.

Настало время расставаний.

И молвил Ульгень: «Будем с детьми, боги!»

А с высоты Седьмого Холма узрели дети то, чего никогда не увидят иные земные, – могущественных духов предков, аруахов.

За синей Рекой Времен белеют тысячи белых шатров, сладко и протяжно ржут огненные кони, нетерпеливо роя копытом землю, грызя серебристые удила. Но вот вся долина приходит в движение: гибкой, блестящей рекой засверкало, потекло белоснежно-туманное конное войско по сине-зеленой траве. Сверкнуло золотое солнце – тысячи солнечных коней с дымными гривами и хвостами взмыли в небо. Поднялся огненной лентой в чистую голубую бездну тумен за туменом – солнцем блещущая конница, аруахи в медной броне. И юный Май – во главе сверкающей конницы.

Загремели дальние громы, засверкали ослепительные молнии. Потянулась тонким журавлиным клином в древнюю страну Дешти-и-Кипчак вся воздушно-огненная армия духов, в страну, где маленький кочевой народ бился за выживание. Покинул Золотое Царство Богов поэт и герой Май.

Остались на Седьмом Холме Индира, Тинь-Тинь да Маленькая Айя. Полился с небес сухой золотой дождь. Стали падать быстрые звезды. Загремели веселые гулкие громы, и две земные девочки – Индира и Тинь-Тинь – обернулись ласточками.

Посидели-посидели две ласточки на Седьмом Холме, цвиркнули и разлетелись в разные стороны: одна – в древнюю Чжунь Хуа, Цветущую страну, а другая – в Голубое Семиречье. И, плавно отделившись от солнца, устремилась вслед за Индирой прозрачно-огненная кавалерия. Полетели тысячи солнечных всадников для того, чтобы, как и в прошлый раз, не смогла разглядеть маленькую душу злобная Мыстан в ослепительно-огненном море, чтобы не изловила она ее.

В час, когда над спящим Городом Яблок пылает лучистая Шолпан, Звезда пастухов и героев, в час, когда розоликая Ару возжигает над сонным миром свой алый светильник, над Тянь-Шанем сверкнула молния – то ласточка мгновенной огненной мухой устремилась на родину, в милый Город Яблок.

Прилетела в город. Обернулась девочкой. Идет по Звездной.

На голове у нее – ярко-красная камчатная шапочка, пушистая по краям. Колышутся на той шапочке под утренним ветерком перья филина, звенят с двух ее сторон золотые подвески. Горят на пальчиках ее серебряные колечки, на запястьях – блезики, украшенные камнями, – дивно сверкает все это, переливается. Цветут на ножках ее красные сафьяновые сапожки, с узорами, с золотыми застежками. Сейчас, такая красивая, вся в красно-золотом, она, наконец, пойдет к мудрецу Аргы Бету!

Но вот, прямо с небес, донеслось: «Да не коснется тебя смерть своим дыханием, мой огонек!» Мама? Где ты? Она посмотрела в небо. Там сверкала Утренняя звезда.

И тогда она быстро побежала домой. Она свернула на Лунную.

И тут навстречу ей вышел огромный, страшный, черный бык с ярко-желтой грудью. Тяжело передвигал он копытами-чашами, каждым своим шагом глубоко проминая землю. Круглое медное зеркало, подобное полной луне, сильно качалось на его могучей шее. Холодное, синее дыхание густо клубилось, вылетая из его широких ноздрей. И чего достигало то морозное пламя – то в секунду покрывалось инеем, чернело и тут же разрушалось.

Нет, девочка в красном не испугалась огромного животного. Она лишь уступила ему дорогу. Но его холодное, его смертельное дыхание едва не коснулось ее. Огромные золотые рога быка светились алой зарей. Вокруг них вился легкий черный дымок. «Боже, да это же сам Эрлик, бог смерти!» – вздрогнула девочка. Теперь она испугалась.

Но сейчас взор бога смерти не был алым, кровавым, а светился нежным розовым блеском. И девочка тихо ему сказала: «Как ты прекрасен, как ты грозен, как ты могуч, бог смерти!»

Бык двигался медленно, протекая мимо крохотной девочки черной, долгой, опасной рекой. Но она все же коснулась его ладонью, все же погладила его, все же тихо спросила: «Где же ты был вчера? Разве ты хуже других богов. Прощай, бог смерти!»

Но что видела мама девочки на алой заре?

Села на подоконник ласточка. Маленькая, черная блестящая ласточка, с белой грудкой, алым горлышком. Но вот она залетела в комнату, сделала над спящей девочкой быстрый зигзаг, растворилась в воздухе. И девочка глубоко вздохнула и вся засветилась.

Проснулась она. Так хорошо она себя еще никогда не чувствовала. Проснулась она. Открыла глаза. Увидела возле себя сидящую маму. Заговорила с мамой на неизвестном языке. Замолчала. Тогда мама позвонила по телефону Аргы Бету, знатку многих языков. Он обещал зайти.

Было воскресенье. Счастливая мама поцеловала дочь, ни о чем ее не спрашивая. Она любовалась цветущей дочерью. Индира же вся светилась как солнечный ангел. Зазвенел телефон: с аэропорта позвонил прилетевший папа.

Через минуту девочка заговорила как обычно. Она рассказала маме о Золотом Царстве Богов, о своих новых друзьях, о встрече с богом смерти. Пожалела лишь: мол, нет у нее ни красного платья, ни чудо-альбома с красиво обрезанным яблоком, какие ей подарила во сне богиня. И тут рассмеялась мама. И открыла шкаф. И засияло из его темных глубин белоснежное платье. Достала мама и красный камзол к нему – с золотым орнаментом по рукавам и груди, с алым шелковым пояском, с золотыми кисточками и бахромой. Показала она и ярко-красную камчатную шапочку с перьями филина, с золотыми подвесками да красные сапожки с узорами и золотыми застежками. Но девочка стала изучать узор, кисточки, бахрому, цвет и форму костюма – она читала костюм.

Явился важный доктор в белом халате.

Важный доктор узнал, что девочка не только совершенно здорова, но и говорит на неизвестном миру языке. Он записал это важнейшее для науки сообщение в свой журнал. Потом он собрал свой аппарат и торжественно заключил: «Девочка абсолютно здорова и – навсегда! Так редко бывает в нашей практике. А значит, ей полагается подарок по случаю окончательного ее выздоровления». И Индира получила из его рук самый первый в городе компьютер с красиво обрезанным яблоком на крышке – «APPLE-Macintosh». И, не выказав радости, отложила его в сторону.

Тихо зашел мудрец Аргы Бет. Девочка вновь вся засветилась. И они говорили на неизвестном языке о Богах и Золотом Царстве. И показала она ему бронзовую звезду. И, умиротворенный, он никому не сказал, что это был за язык, но благословил это чистое дитя, вмиг постигшее весь начальный и конечный смысл человеческой мудрости. И оставил ее, ибо она совсем не нуждалась в его несметных знаниях.

Он пришел домой. Он взял камчу. Он пошел на запад, в страну, где каждый день умирает Солнце! И на багровом закате он с благоговением вспомнил о той, чья светлая и чистая душа станет в начале нового, возрожденного человечества. А кто-то темный, кто-то дымный жадно ловил его в своем медном зеркале, кто-то высматривал его из своего холодного, мрачного подземелья.

«Искавший смысл в юных и цветущих, я обрел его в ней. Когда смысл земной мне ясен, я иду к смерти, дабы и ее познать. Разве смерть бессмысленна!» – размышлял философ.

Смутился, читающий мысли земных, Эрлик: разве ему кротко служит эта, столь разумная, столь доблестная душа, презревшая саму смерть? Да и зачем взял он эту камчу. Нет, надо закрыть перед ним врата смерти.

А мудрец, обагранный закатным солнцем, шел и, конечно же, не знал, что сейчас он покорил самого ужасного из тюркских богов. Он думал о другом: Город Яблок дождался своей золотой поры!

13

Город Яблок вступил в свою золотую пору!

Первая гимназия.

Школа Аргы Бета.

Город Яблок дождался своей золотой поры!

Первого сентября бог света собрал всех богов, божков и духов на Седьмом Холме.

И сказал Ульгень: «Многое мы сотворили, сроднившись с сердцем и душой человека. Мы вновь заявили о существовании богов. Если мы не сделаем большее – укорят нас боги следующего столетия, шумерские, идущие нам вослед, как мы укорили предыдущих. Не ударим же в грязь лицом, не уроним чести – сотворим большее, бессмертные! Летите в Город Яблок, преобразите его духовно».

А сам быстрой огненной мухой влетел в сердце директора первой в Городе Яблок Гимназии. И был директор тот огненно-рыжим, голубоглазым, веселым и мудрым. Был самым огромным и самым толстым директором в Городе Яблок. И так приговаривал: доброго должно быть много. И дети любили его как бога!

И сказала Умай, покровительница детей, оставшимся на Седьмом Холме богам, божкам и духам: «Будем же с детьми, боги!» Полетела она быстрой огненной мухой в Город Яблок, в Школу Искусств. И озарилась та Школа божественным светом. Занятия в той Школе вели артисты театра Лермонтова, а лекции читали профессора, звезды науки. Дети изучали в ней хореографию и живопись, фехтование и красноречие. И никто на всем белом свете не знал, что имя директора и имя богини Земли было одно.

И молвил Ыдык-Йер-Суб, бог плодородия и ценитель искусств, оставшимся на Совете богам, божкам и духам: «Будем же с детьми, боги! Полечу я к мудрецу Аргы Бету. Поведет он за собой тысячи к свету».

Произнес. А из адских дымных глубин гулко загрохотало: «Как смеешь ты, не обладающий столькими знаниями, какие есть у этого смертного, вселяться в него огненной мухой? Смотри, ведь он шел ко мне, ведь он уже был в моем зеркале. Разве я решился на то, чтобы его умная душа служила мне? И вы, боги, ищете согласия со мной? Я ли не пощадил вашу девчонку из Города Яблок?» «Но, брат Эрлик! – примиренчески сказал Ыдык-Йер-Суб. – Пойми, и так ведь их души по смерти уйдут к тебе! К чему спешка? К чему твой гнев?» Ничего не сказал бог смерти. А бог плодородия мгновенно полетел в Город Яблок, а за ним – и другие боги и божки. Все они, правда, были теперь сильно обеспокоены.

Увидел Ыдык-Йер-Суб с облачных высот идущего к закату мудреца с камчой. Влетел он пламенной мухой в сердце философа. Остановился философ. Подумал. Вернулся в город. Открыл свою школу. Вошли в нее тысячи.

То была особенная школа.

Учили в ней все о Солнце да о звездах, и дети знали астрономию, физику и геометрию также хорошо, но по-другому, не как в школе. Учили в ней о том, как древние люди искали родину Солнца, и дети знали географию, историю, культуру древних народов также хорошо, но по-другому. Учили их, как когда-то люди сотворили для себя богов, а созданные ими боги сотворили людей: их знания, искусства и науки. Учил их мудрец главному: всегда помнить и любить своих богов.

Город Яблок вступал в свою золотую пору.

Цветущей, буйной весной зашумело густой листвой все Голубое Семиречье. Все другие боги и божки, все девяносто девять тэнгриев, все стихии земли и воды, духи природы, вслед за богом Священной воды и земли, облюбовали и повсеместно населили Город Яблок.

Каждый горожанин считал за тихое счастье посадить ранней весной хоть одно деревце на радость себе. В те благословенные годы Город Яблок прозвали самым зеленым городом мира.

Нет, не оставили боги людей!

14

Случилось то, что должно было случиться.

Деяния противного Эрлика.

Речь бога Ульгена.

Нет, не оставили боги людей!

Но в ту золотую пору, когда весь Город Яблок жил неслыханной сказкой, – случилось то, что рано или поздно должно было случиться.

Быстро собрались боги и божки, духи и хозяева всех трех сфер на Седьмом Холме. И отправили беркута. И призвали Ульгена: были они сильно обеспокоены.

Сокрушались перед ним боги: «Плохи наши дела в Золотом Царстве. Колеблет-ся Седьмой Холм. Сотрясает его мрачный Эрлик, противный всем нам. Потемнела, помутнела синяя Река Времен. Лети, Ульгень, к богу смерти, брату своему, успокой его, огради Золотое Царство от катастрофы, а потом возвращайся в Город Яблок!» Так слезно упрашивали его все боги и божки, и тенгрии, и духи.

Твердо сказал Ульгень, покровитель тюркских героев: «Чести нам не будет, если мы оставим Город Яблок и Семиречье. Что о нас подумают смертные? Что бросят нам в лицо шумерские боги, идущие нам вослед: «Все, что вы сделали, – одна забава да насмешка над родом человеческим». Вот что скажут нам они! Не оставим детей – вернемся, завершим благое дело. Но прежде – наведем порядок в Золотом Царстве. Опасна ссора с Эрликом, Первым из первых богов, братом моим. Нет, не оставим детей – вернемся!

15

Есть на нашей голубой планете удивительный город!

Окруженный могучими синими горами с яблоневыми садами, был он когда-то самым зеленым городом мира.

На весь белый свет славился он своим красивым красным яблоком: самым огромным из яблок Земли, с медовым вкусом и запахом.

И называли тот город Городом Яблок.

Но кто вспомнит теперь его лучшую, его золотую пору?

А ведь в ту, золотую, пору жили в нем люди, знавшие счастье. Казалось, сами боги облюбовали то время, тот город и тех людей.

И давно уже нет того, зеленого, Города Яблок. Нет и улиц с дивными названиями: Солнечная, Звездная, Лунная, Яблонева, Лесная, Горная...

И это совсем не сказка – были такие улицы!

Чистым жемчугом блестит мой город по алой заре.

И, вечные, высоко кружат над ним беркуты, да вьются, упиваясь божественной трелью в лучах рассвета, серебристые жаворонки.

И бегут, светлые, как из чистого поднебесья, горные ручьи, и шумят, и бурлят они в солнечных переливах по древним, сонным арыкам.

И встает над городом алая заря, благословляя людей, их труды и годы. И цветет под веселым оком солнечного бога моё Голубое Семиречье.

Чистым жемчугом горит мой город по алой заре.

СЛОВАРЬ

Ак Ене – мать первых богов, Ульгенья и Эрлика. Дословно: Белая Мать.

Арлан – эпитет сильной собаки. В эпосе чаще упоминается как куба арлан, то есть белый зверь.

Аруахи – духи-предков у казахов, незримые покровители рода.

Ару, Арай – арай – по-казахски заря; ару – прекрасная.

Девяносто девять тэнгриев – слуги Тенгри, духи разных природных стихий.

Дешти-и-Кипчак – дословно: Страна кипчаков. Земля Половецкая.

Ан Дингир (Тингир, Тенери) – бог Неба и Солнца у прототюркских народов.

Ирландская джига – древний старинный танец, популярный у моряков.

Камча – род плети с короткой ручкой.

Кобыз – казахский струнный смычковый музыкальный инструмент.

Младшая Шолпан (Меркурий) – богиня раннего утра, юности и чистоты.

Тумен – тысячное войско.

Ульгень – бог света, один из первых богов, брат Эрлика.

Умай-Ана – богиня земли, супруга Тенгри, покровительница детей.

Шолпан (Венера) – в древней казахской мифологии богиня любви и плодородия, Утренняя Звезда пастухов и охотников.

Чжунь-Хуа – дословно: Цветущая срединная земля. Название Китая.

Ыдык-Йер-Суб – Священный бог земли и воды, сын Тенгри и Умай, бог рек и озер, покровитель искусств, силы и плодородия.

Эрлик – сын Ак-Эне, матери первых богов, бог смерти, брат Ульгенья.

